

РАЗДЕЛ 8. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821. 161. 1-31+801.631.5

Авангардное в поэтике «Нового Горького» (портрет в романе «Жизнь Клима Самгина»)

Белова Е. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Республика Крым
belova-elena@mail.ua*

В статье исследуется авангардная составляющая портретных характеристик в последнем романе Горького, указывается на геометрические и вещные детали, анималистические черты в описании персонажей. Делается вывод о родстве изобразительных принципов писателя литературному и живописному авангарду и, таким образом, уточняется содержание понятия «новый Горький».

Ключевые слова: «новый Горький», поэтика, портрет, литературный авангард, авангардная живопись.

Постановка проблемы. За творческим методом Горького 1920-30-х годов в литературоведении закрепилось понятие «новый Горький». В отличие от привычного для его прежней манеры реализма (с уклоном в натурализм), в прозе указанного периода реальность взаимодействует с мифом, галлюцинацией, с самыми экспрессивными формами художественной условности. Но что понимали современники писателя под «новым Горьким»? А.К. Воронский в этой связи писал об отношении к слову, доведенном «до высочайшей строгости» [2, с. 36]. Л. Войтовский на страницах «Нового мира» тоже не расшифровывал смысла «новизны» горьковской манеры, отмечал только, что Горький «пишет сейчас превосходные вещи» и «войдет в мировую литературу не с начала своей деятельности, а с конца» [11, с. 147]. Но уже В. Шкловский в статье «новый Горький» (1924) указывал на вдруг обнаружившуюся у писателя склонность к бессюжетности, немотивированному поведению героев, на то обстоятельство, что Горький с некоторых пор предпочитает роману — мемуары, а наброски и всякого рода заготовки — новелле и рассказу [12, с. 203]. Модернистскому компоненту у автора «Самгина» в советском горьковедении уделял много внимания А. И. Овчаренко [11, с. 46]. И наконец, А. Коровашко, говоря о художественном мышлении Горького, использует термин «авангард» и вслед за В. Шкловским отмечает присущую этому направлению заумь, находит ее примеры уже в пьесе «На дне», повестях «Детство» и «В людях». Влияние авангардной поэтики ощутимо и в романе-завещании Горького, но тема эта до сих пор не поднималась в исследовательской литературе. Между тем соответствующий анализ позволяет уточнить, конкретизировать содержание понятия «новый Горький».

Цель статьи — показать авангардное начало в поэтике портретных описаний «Жизни Клима Самгина».

На заре русского литературного авангарда Велимир Хлебников писал: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью» [10, с. 11]. Живописный же авангард, как

известно, тяготел к геометрическим формам. Авангардисты, как пишет Б. Гройс, исследовали саму суть предмета, выявляли скрытые «изначальные» геометрические формы, не дублировали внешнюю реальность, а заново воссоздавали её: «эти формы символизируют чистую реальность, так как они необъективны в эмпирическом смысле и не субъективны в психологическом смысле» [7, с. 68]. Бердяев отмечал иной путь преобразования обычной реальности в авангардную: «Нарушаются границы бытия, все декристаллизуется, расплывается. Человек переходит в предметы, предметы переходят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются» [1, с. 9].

Для живописного авангарда характерны следующие особенности: установка на эксперимент, игра с цветом и формой; отказ от миметического воспроизведения действительности; иррациональность, карикатурность, схематизм изображения; стилевой анахронизм [8, с. 22; 24; 35].

Реальность, которую создает Горький в «Жизни Клима Самгина», во многом остается привычной, но в портретных характеристиках при более детальном их изучении нельзя не обратить внимания на геометрические черты и акцентологические эпитеты.

Многие персонажи романа обладают сферической формой — это уже не люди, а огромные шары, разной формы и консистенции. Люди-сферы движутся на полотне плавной, перекатываясь из одного состояния в другое, контактируя с другими сферическими созданиями.

Часто транслируемые эпитеты, характеризующие персонажей — «пузырь», «круглый», «шар», «круг», «сфера». Клим — центр Вселенной в произведении, герои вращаются вокруг него как планеты, и с каждой новой встречей они все более «раздуваются», примерами могут служить фабрикант Варавка, отчим Клима «...сидел небрежно развалив тело свое в плетеном кресле, вытянув короткие ноги, сунув руки в карманы брюк, - казалось, что он воткнул руки в живот свой. Слушая, он надувал багровые щеки <...> Ступни у него были овальные как блюда для рыбы» [3, с. 123; 14]. Его лицо, *надутое, как воздушный пузырь*, казалось освещенным изнутри красным огнем, а уши были лиловые, точно у пьяницы... *вздвигшийся, как огромный пузырь*, синее лицо его, похожее на созревший нарыв, лоснилось, медвежьи глаза смотрели тускло, и было в них что-то сонное, тупое <...> борода лежала на *животе, который поднялся уже к подбородку его*» [4, с. 276]. Тот же геометрический принцип лежит и в основе портретной характеристики Ивана Дронова: «*кругленький* Дронов в кургузом сюртучке...коротенький, *круглый*, он, с папиросой в зубах, напоминал о самоваре... [3, с. 39; 117]. Он обрил голову, уничтожил усы, красное лицо его *опухло, раздулось, как пузырь*<...>» [5, с. 145]; Захар Бердников, едва ли не главный романский злодей, — «*шарообразная фигура* <...> *красноватый пузырь лица* <...> Подняв рюмку к носу, он понюхал ее, и лицо его сморщилось в смешной, почти бесформенный *мягкий комок*» [6, с. 369; 72]. У первого учителя Клима, Томилина «под глазами вздуты синеватые *пузыри, бритые щеки тоже пузырились*» [6, с. 265]. И наконец, Степан Кутузов, герой, которого Горький противопоставляет Климу, по характеристике Макарова, тоже круг. «Макаров обеими руками очертил в воздухе *круг*. — *Сферический человек. Как большой шар*, — не возьмешь, не обнимешь» [5, с. 46].

Горький округлял не только значимых персонажей, но и тех, кто появлялся в сюжете романа лишь однажды, Там и сям мелькают у него сферические герои — прохожие («По тротуару величественно плыл большой *коричневый ком сгущенной скуки*, — пышно одетая женщина вела за собой мальчика в матроске» [4, с. 476]); рабочий на собрании («говорила чья-то *круглая, мягкая спина* в измятой чесунче <...>» [4, с. 530].

Но персонажи Горького могут характеризоваться не только абстрактным понятием «сфера», иногда они имеют вполне конкретный округлый образ: «тыква», «арбуз», «яблоко», «яйцо». Хозяин кирпичного завода похож «на уродливую *тыкву*» [4, с. 491], Неелов одет «в темно-серый мохнатый костюм, очень ловко сокращавший действительные размеры его *животика, круглого, точно арбуз*» [5, с. 57]. Лицо мецената Шемякина похоже «на *огромное румяное яблоко*» [6, с. 194]. Анюта запечатлена перед зеркалом: она стояла «голая, точно *куриное яйцо*» [6, с. 76].

Сферические формы приобретают вполне конкретные очертания повседневных предметов «бильярдный шар», «мяч», «самовар», «бутылка», «глобус», «бочка»: Максим Ряхин описывается как «широкоплечий, малоголовый, с коротким туловищем на длинных, тонких ногах, *с животом, как самовар*» [4, с. 601], «Безбедов торчал на крыше... нелепая *фигура* его в неподпоясанной блузе и широких штанах была *похожа на бутылку, заткнутую круглой пробкой* в форме головы» [5, с. 255], «его прогнал вежливый, коротконогий и *кругленький* человек, *с маленькой головкой, блестящей, как бильярдный шар*» [6, с. 121], «Томилин... встал и *оказался похожим на бочку*, облеченную в нечто темносерое, суконное, среднее между сюртуком и поддевкой» [8, с. 266], «тощий, но *с круглым, как глобус, брюшком* стоял на длинных ногах <...> обращал на себя внимание еще и тем, что имел нечто общее с длинным, *пузытым кувшином*, который возвышался над его плечом» [6, с. 403].

Примечательно, что, когда речь идет о людях, состоящих на государственной службе, выполняющих приказы власти, повторяется образ мяча: у прокурора Тагильского «лицо, надутое, выпуклое, как *полушарие большого резинового мяча*» [6, с. 45]. Солдаты кажутся Самгину, «измятыми и пустыми, точно *испорченные резиновые мячи*» [4, с. 255]. Все эти «мячи» не имеют своей воли, катятся по приказу. Полицейские города — что-то среднее между каменными шарами и самоварами: «однообразно круглые лица их казались каменными; тела, от головы до ног, напоминали о самоварах, а ноги были лишние для всадников» [3, с. 188].

Реальность, описываемая Горьким, часто оборачивается хаосом, фигуры людей расплываются, де-кристаллизируются, как на полотнах художников-авангардистов: «*ряса колыхалась, струилась, как будто намеренно лишая фигуру попа определенной, устойчивой формы*» [4, с. 532], «(Красин) волосы на щеках лежали гладко, бессильно, концами вниз, так же и на верхней губе, на подбородке они соединялись в небольшой *клин*, и это придавало лицу странный вид: как будто все оно *стекало вниз*» [6, с. 124]. В последнем описании совместились оба авангардных принципа — и геометризм (клин — тот же треугольник), и деконструктивизм (треугольник на глазах теряет свою четкую форму, стекает, растворяется). Как это бывало у Пикассо, Горький создает динамический портрет, совмещает в одном изображении несколько: «Самгин видел пред собою голый череп, круглое лицо с маленькими глазами, оно светилось, как луна сквозь туман; раскалывалось на *ряд других лиц*, а эти *лица снова соединялись в жуткое одно*» [4, с. 534]. Вместе с тем писатель в полной мере использует динамические возможности именно словесного искусства, не просто сопоставляет в своих портретах разные ракурсы одного лица, но создает описание, которое можно было бы определить как портрет-процесс: «Поп все кричал, извиваясь, точно его *месили, как тесто, невидимые руки*» [4, с. 260].

Одна из наиболее важных деталей портрета для Горького — глаза персонажа, по мнению Самгина, «глаза — это мозг вывернутый наизнанку». Метафорические определения глаз героев помогают понять их внутренний мир, саму суть характеров. В этом случае правдоподобие всё чаще уходит на второй план, а основополагающим принципом являются животная символика. У героев романа «глаза совы» (Ржига), «медвежьих глаза» (Варавка), «свиные глазки», «собачьи глаза» (Тагильский), «птичьи глаза» (Бердников), «рачьи глаза» (Бердников, поручик Трифонов), «котовы глаза»

(Шемякин), «зрачки хорька» (Ногайцев), «овечьи глаза» (Рушиц-Стрыйский), «глаза быка» (Дмитрий Самгин), «воловьи глаза» (Воинов). Реже встречается знаковая символика: «глаза узенькие, как два тире» (Варавка), «глаза были как цифра 8» (Коровин). Необычна в этом случае бывает и символика цвета: «седые глаза» (полицейский), «глаза янтарного цвета» (Муромский), «желтые глаза» (вахмистр), «выцветшие мокрые глаза» (Прозоров), «желтые фосфорические глаза» (Ногайцев), «цвета ржавого железа» (Понормов), символика материи: «фарфоровые глаза» (Томилин), «оловянные глаза» (солдаты), «бархатные, но металлические глаза (Тося), «медные глаза» (Ерухимович), «глаза из стекла» (Самгин). Наконец, и в этом случае у Горького присутствует символика разрушения: «вывихнутые глаза» (Лютков), «раздерганные рыжие глаза» (Дронов). На фоне подчеркнуто нетрадиционных определений в романе выделяются не столь частые привычные описания глаз, указывающих на нравственную или интеллектуальную природу человека: «детские глаза» (Корнев), «глаза подростка» (Диомидов). Главный герой однажды подумает о себе: «Глаза мыслителя», но это хвастливое замечание сопровождается авторской ремаркой: «Он прищурил их, глаза стали *нормальнее*» [6, с. 135].

Кроме многочисленных почти футуристических описаний в романе встречаются и портреты умеренно-картинные. «Уходящая натура» сравнивается с высохшими деревьями: «дед Аким — высокий, сутулый и скучный, как засохшее дерево. У него длинное лицо в двойной бороде от ушей до плеч <...> глаза деда заросли серыми бровями. Его длинные ноги не сгибаются (*ствол дерева*), длинные руки с кривыми пальцами шевелятся нехотя, неприятно (*ветви*), он одет всегда в длинный, коричневый сюртук, обут в бархатные сапоги на меху и на мягких подошвах (*корни дерева*)» [3, с. 17]. То же сравнение лежит в портрете угасающей жены Варавки - Глафиры: «издали лохматая голова женщины была похожа на узловатый обугленный корень дерева» [3, с. 37].

Выводы. Анализ портретных описаний в итоговом романе Максима Горького позволяет заметить, что здесь значительную роль играют авангардные принципы. Для горьковских зарисовок характерны эксперимент, геометрическая фигурность, черты абсурда (соединение в человеческом лице чужеродных ему элементов из мира живой и мертвой натуры), игра форм, деструктивность, частичный отказ от миметического воспроизведения действительности. Все эти отступления от реалистической поэтики носят не единичный, а системный характер и указывают на необходимость сопоставления социально-философского подтекста романа с идейными устремлениями русского авангарда, что определяет перспективы исследования.

Список литературы

1. Бердяев, Н. Кризис искусства / Н. Бердяев. – М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. – 52с.
2. Воронский, А. Искусство видеть мир: портреты, статьи/ А. Воронский. – М.: Художественная литература, 1997. – 297с.
3. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1974. – Т. 21. – 574с.
4. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1974. – Т. 22. – 685с.
5. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1975. – Т. 23. – 414с.
6. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1975. – Т. 24. – 589с.

7. Гройс, Б. Русский авангард по обе стороны «черного квадрата» // Вопросы философии. – №11, М., 1990. – с.59-76.
8. Искусство: учебно-методическая газета для учителей МХК, музыки и ИЗО. – М.: Издательский дом «Первое сентября». – № 5/6 – 47с.
9. Коровашко, А. В. М. Горький и В. Шкловский // М. Горький и XX век. – Горьковские чтения – 1997, Н. Новгород, 1998. – 482с.
10. Малевич, К. Супрематизм //Каталог десятой государственной выставки. Беспредметное творчество и супрематизм. – М., 1919. 44с.
11. Овчаренко, А. И. М. Горький и литературные искания XX века / А. И. Овчаренко. – М. : Советский писатель, 1978. – 510с.
12. Примочкина, Н. Н. Писатель и власть / Н. Н. Примочкина. – М.: Росспэн, 1998. – 338с.

Белова О. О. Авангардне у поезиці «Нового Горького» (портрет у романі «Життя Кліма Самгіна») / О. О. Белова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.319-323

У статті досліджується авангардна складова портретних характеристик в останньому романі Горького, вказується на геометричні та речові деталі, анімалістичні риси в описі персонажів. Робиться висновок про спорідненість образотворчих принципів письменника літературному і мальовничому авангарду і, таким чином, уточнюється зміст поняття «новий Горький».

Ключові слова: «новий Горький», поезика, портрет, літературний авангард, авангардний живопис.

Belova E. Avant-garde Poetics of "New Gorky" (Portrait in the Novel "Klim Samgin's Life") / E. Belova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.319-323

The article investigates the component of avant-garde portrait characteristics in the Gorky's last novel, specified geometrical and proprietary parts, animalistic traits in the description of the characters. Concluding kinship visual principles of writer and literary and picturesque avant-garde, thus clarifies the concept of "new Gorky". Reality of the novel interacts with the myth, hallucination, with the most expressive forms of artistic convention. The avant-garde poetics of the novel most clearly manifests itself in the genre of portrait. Portrait characteristics created under the strong influence of the picturesque tradition avant-garde (experiment, geometrism, deconstruction, schematic image, caricature, irrationality, dynamic portrait mimetic reproduction of reality, the features of the absurd, the game of forms, destructiveness). Particular attention is paid to the characteristics of the portrait with geometric features and accentual epithets. The author uses the principles of avant-garde systematically, so the socio-philosophical subtext of the novel is necessary to compare with ideological attitudes of Russian avant-garde.

Keywords: "New" Gorky, poetics, portrait, literary avant-garde, avant-garde art.

Поступила в редакцію 09.05.2014 г.